

MLCS 94/5839

FT MEADE
GenColl

Изъ Библіотеки для чтенія А. Смирдина

№ 10405

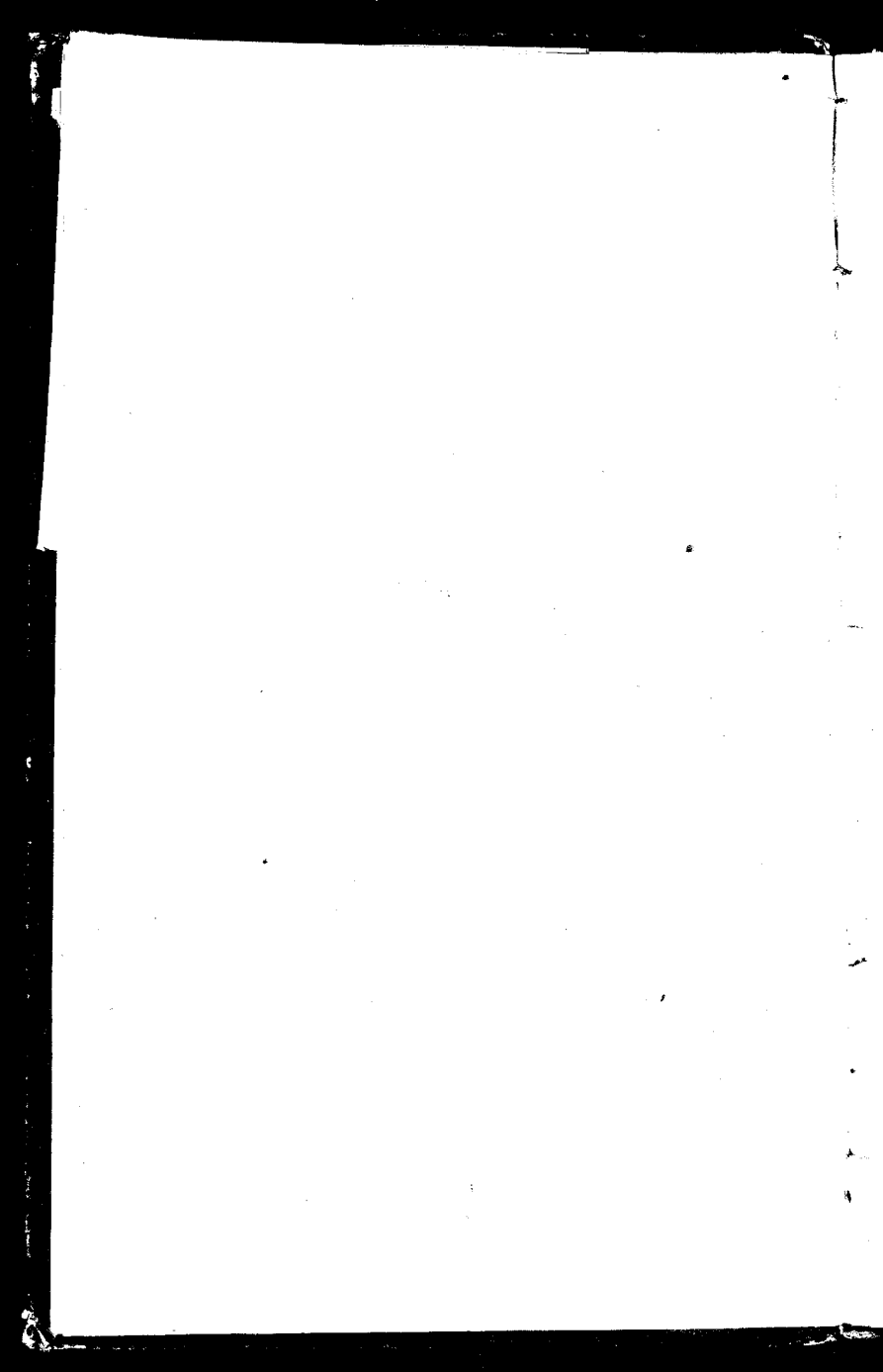
За годъ . . .	10	рубл. сер.	За чтеніе книгъ съ жур-
За полгода	6	» »	налами 20 рубл. сер.
За 3 мѣсяца	4	» »	Новыя книги держать не
За мѣсяцъ	2	» »	болѣе двухъ недѣль.

Суды - РГ 1041

на

кур-

не

РУКОПИСЬ

ПОКОЙНАГО

ВЛЕМЕНТІЯ АКИМОВИЧА

ХАБАРОВА,

СОДЕРЖАЩАЯ РАЗСУЖДЕНІЕ О РУСКОЙ АЗБУКѢ, И
БІОГРАФІЮ ЕГО, ИМѢ САМИМЪ ПИСАНУЮ,

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ

ПОРТРЕТА, И СЪѢМКА СЪ ПОЧЕРКА СЕГО
ЗНАМЕНИТАГО МУЖА.

Non lo conobbo il mondo.

РЕТВАРСА.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ С. СЕЛИВАЬОВСКАГО.

М. ДСССХХVIII.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чшобы по ошпечашаніи пред-
сшавлены были въ Цензурный Комитетъ
три экземпляра. Москва, Іюня 28 дня, 1828
года. Цензоръ *Сергѣй Глинка*.

РАЗГОВОРЪ СЪ ПУБЛИКОЮ.

Я Евгений Трешейской, покуда не учили меня лучше приехали, признаюсь шоржеспивенно и добровольно, что написаль ешо предисловіе въ подражаніе хипроумному авшору забавнаго Евгенія Вельскаго.

ВМѢСТО РАЗГОВОРА СЪ КНИГОПРОДАВ-
ЦЕМЪ РАЗГОВОРЪ СЪ ПУБЛИКОЮ.

О ИМИТАТОРЕС!

Я. Милосшивая государыня! добрая
спрасшошерпица публика! почшенная бла-
годѣшельница! предлагаю вамъ, машушка,
книжку новую.

Публика. Ншо ты?

Я. Евгений Трешейской.

Публика. (*Зъвалъ*;) Евгений?... уже ешь...
Евгений Вельской. (*Зъваетъ*.)

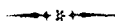
Я. Но, машушка, моя единственная бла-
годѣшельница! шо Евгений Вельской, а я
Трешейской! Прочши мою книжку! Посмо-

при, какъ хорошо она напечатана! Пис-
стоящими французскими, парижскими
чернилами; лихеры новья, поршрешъ
авшора, его fac simile. . . разговоръ.

Пувлика. Непадо! непадо! Меня уже
много обманывали ешими французскими
чернилами, и поршрешами.

Я. Какъ угодно, благодѣшельница и за-
спуница моя. . . Но я не опсшану—вошъ
моя книжка—прочшите ее. . . прочшите..
прочшите!

ВМѢСТО РОМАНА ВЪ СТИХАХЪ
РАЗСКАЗЪ ВЪ ПРОЗѢ.

Г Л А В А I.

Въ 1801 году, я возвращался съ манарьевской ярмонки. Я. . . угодно ли вамъ знашь: кто я? Я и теперь шоже, что былъ тогда... ошешавной студентъ. Занимаюсь лишшерашурою, древнею и новою, фило-софіею, богословіею, всѣми науками и ис-кусствами; знакомъ со всѣми учеными, со всѣми лишшерашорами, шинографщи-ками, переплещниками, книгопродавцами, бумажными фабриканшами и любителями приятнаго и полезнаго чшенія. Но ешо обширное знакомство, не мѣшашъ мнѣ занимашся настоящимъ моимъ дѣломъ. . а настоящее мое дѣло: промыселъ книж-ный! Я книгопродавецъ—кочующій.

II, III, IV, V, VI, VII, VIII,

IX, X, XI, XII

Я очень знаю, что теперь не въ модѣ большія главы, и что не надобно порядка

въ нумераціи главъ. . Знаю—за то вошъ
вдругъ глава XII-я!

Ешо право лучше спариннаго порядка!...
Божусь! наши спаринки никакъ бы не свя-
зали главу первую съ двѣнадцатою! А для
насъ ешо ничего не смѣшъ. .

Вы знаете, кшо я—шакъ слушайте же
продолженіе первой главы. Въ 1801 году я
возвращался съ макарьевской ярмонки.—
Счастлирое время! Какъ я тогда былъ ве-
селъ, безпечень! Я, все шотъ же ошсав-
ной студеншъ: волосы мои не сѣды, (по-
шому чшо я ношу парикъ): но все не шо!
все не шо, чшо тогда было! Я устаю
вехода на лѣвшинцу—голосъ мой немножко
дрожишъ; глаза *не смотря на очки* и смоп-
ря въ очки плохо видяшъ! —

Спарось! спарось! — — — —

. — — — — — — — —

XIII.

— — — — —
— — — — —

.

XIV—XV.

XVI.

Еши шире и почки шакже имѣюшъ свои
прияшности. Добросовѣстный чшашель

подумаешь, что шире и почки замбили какую нибудь свѣжую, яркую, смѣлую мысль, непропущеную цензоромъ; чиша-шель шайнштвенный пустился въ догадки: *что бы значили еши шире?* Не скрывается ли шушь какого умысла? . . и пр. пр.

Я ошкровененъ—и говорю (сѣ ошкровенностію автора Ев. В..) что наши почки, наши шире *поспавлены такъ*. . . не для чего.... а пошому, что шире и почки имѣ-юшѣ свои приашиности, и безѣ нихѣ не бываетѣ въ наше время поемѣ и романовѣ. Вотѣ вамѣ и еще — — — — —

и
— — — — —
.

XVII, XVIII, XIX, XX, XXI, XXII,
XXIII, XXIV, XXV, XXVI, XXVII,
XXVIII, XXIX, XXX, XXXI, XXXII.

XXXIII.

Я вошелъ на постоялый дворъ. .

«Ей! хозяйка! принеси самоваръ! Живо!» Такъ закричалъ человекѣ, имѣвшій приашиную наружность. Онѣ былѣ въ сѣромѣ сершукѣ—въ желшыхѣ нанковыхѣ брю-нахѣ—на бѣлый жилешѣ полосами прилегла

дорожная пыль — подлѣ него лежала кожаная сумка для бумагъ—зеленый сафьянный каршувъ, и корневая шрубка съ корошенькимъ чубукомъ... Онъ сидѣлъ спиною къ окну, прямо прошивъ двери, въ кошорую я вошелъ.

XXXIV.

Мы обмѣнялись поклонами... и знакомство наше получило прочную основу..

— — — — —

.

XXXIX.

Самоваръ зачихъ—шолько прыгали пузырьки изъ подъ опронинушыхъ чашекъ.. Бѣлая кошна усѣлась на полу прошивъ насъ, и приспально смотря на чайный приборъ, мяукала жалобно и шомно.. Я сидѣлъ повсея голову... Онъ спалъ рысься въ кожаномъ мѣшкѣ.

XL.

Зашумѣла бумага. Онъ вышацилъ изъ сумки шешрадку и спалъ ее перелисшывань.. Я *подиялѣ* свою голову... и сдѣлался его соглядашаемъ. — — —

Лице его приняло вдругъ самое жалостное выраженіе — лобъ сморщился какъ листъ кочанной капусташ. . . .

У всякаго свое горе! подумаль я. Бѣд-някъ вѣрно принадлежишь къ огромной семьѣ горемычныхъ.

XLII, XLIII, XLIII, XLIV, XLV,
XLVI. XLIX.

Мы ѣхали до самой Москвы, все вмѣстѣ. . . . Ошъ Перова представилась она жаднымъ взорамъ нашимъ и взоры наши не могли насытиться глядя на величественную. . . . Свободный разговоръ о томъ, о семъ, о всемъ, невольно настроилъ души до самыхъ завѣсныхъ ошкликовъ. . . . Я узналъ жизнь его—узналъ, что книга въ кожаномъ мѣшкѣ, которую онъ читалъ съ такою выразишельною горестію, называется: новѣйшая руская азбука. . . . его сочиненіе—плодъ долготѣщихъ соображеній—единственное дѣла его лирическаго вдохновеній.

L.

И въ Москвѣ мы ешали жить вмѣстѣ. Я оставилъ свой промыселъ—перескалъ кочевашъ по уѣздамъ — и сѣлъ въ его

книжную лавку. Добрый человек! Онъ полюбилъ меня. . . Извинише! Воспоминаніе! . . . Слеза! . . .

LII, LIII, LIV.

LV.

Въ Февралѣ 1805 года онъ занемогъ — Докторъ потчасъ сдѣлалъ ему изв. прошой просуды неизлѣчимую чахотку. — За мѣсяцъ до смерти своей, онъ призвалъ меня къ себѣ. . . Могильное спокойствіе уже водворилось на лицѣ его — блѣдномъ, но приятномъ.

LVI.

«Евгеній! сказалъ онъ мнѣ, я умру! Умру скоро! Ты мой наследникъ! Не кланяйся, а слушай. — Требую отъ тебя одного — чшобъ ты издалъ въ свѣствъ ешу рукопись. (Онъ указалъ мнѣ на извѣстную шешрадъ.) При ней ешь моя біографія. Чшобъ изданіе сошвѣшешвовало важности содержанія, можешь прибавишь корошинькое предисловіе, сообразное со вкусомъ времени. Но ешаго мало. Приложи къ сочиненію мой поршрешъ, и свѣмовъ съ моего почерка. Папечаташь въ лучшей шипографіи не жалѣя бумаги — француз-

сними чернилами, а портретъ нельзя ли будетъ выгравировать въ Вѣнѣ? Но приступишь къ изданію черезъ 25 лѣтъ со дня моей смерти — черезъ 25 лѣтъ, не прежде! слѣд. въ 1828-мъ году!

LVII.

И его не спало въ Іюлѣ мѣсяцѣ. — Я схоронилъ ошашии его на даниловскомъ кладбищѣ. Пѣтъ камня на могилѣ его — иѣтъ надписи — такъ завѣщаль онѣ, бесѣдуя со мною о близкой смерти своей. Желанія умирающихъ священны!

LVIII.

Прошло 25 лѣтъ! . . Онѣ умеръ въ 1803 году, шеперь 1828. . . Исполняю завѣщаніе моего благодѣтельного друга. Вотѣ его біографія, его портретъ, его fac simile, и его азбука. Кажешся я исполнилъ шо, чего онѣ желалъ! Не правда, ли почтенная благодѣтельница, покровительница публичка? Бумага усачевская, чернилы настоящія парижскія — предисловіе въ нынѣшнемъ вкусѣ, а портретъ печашанѣ въ липографіи художинна. . . кошорый бывалъ въ Вѣнѣ.

Какая разсѣянность однакожь! Я еще не сказалъ, что онъ, ешошъ благодѣшительный другъ мой! Извините: онъ назывался Клеменцій Якимовъ Хабаровъ, а что онъ былъ—что онъ былъ—что дѣлалъ на ешомъ свѣшѣ, расскажешъ онъ самъ въ своей біографіи.

Евгеній Третейской,

кочующій книгопродавецъ.

1828 года,

Юня 26 дня.

Любезный друг, Евгений Кирилович!

Убежденный уверяем разумом, в'несомненно
пользе, повторю принесет Российскому слову сочинение
мое, прошу тебя, издаѣ в' свет сию рукопись, по
прошествии 25^{ти} лет, после смерти мое.

В. Г. Бутыркин

Клементий Саварое
наказавши его

1802го года,

Июня 25го дня

на Бутыркин

ЖИЗНЬ

К. А. ХАБАРОВА,

ПИСАНАЯ ИМЪ САМИМЪ.

Non omnis moriar...

Н О В.

Я считаю себя... сорокъ, сорокъ одинъ, или сорокъ два года, не болѣе. слѣдовательно, я родился... въ 1763 или 1764 или 1765 году... шакъ! Впрочемъ, не знаю навѣрное: не помня ни отца, ни матери, и никого изъ родныхъ, просиительно незнаю, въ копоромъ году я родился, гдѣ я родился и кто меня крестилъ.

Ешошъ маленькій недосшапокъ въ моей биографіи, нимало не превожилъ меня, потому что вѣшь никакой пользы знать годъ, мѣсяцъ и число своего рожденія. Ешо пустое обыкновеніе закоренѣлая привычка людей, шакже полезна, для каждаго изъ насъ, какъ изшлевшая расходная книга давнихъ временъ. Я никогда не писалъ и не пишу расходовъ: деньги приходяшъ и уходяшъ своимъ порядкомъ—шакъ и жизнь: считаеми ли мы ее, или не считаеми,

приходишь, идешь и уходишь—своимъ порядкомъ !

Опять не моя вина, что я не знаю, какъ назывались мои предки, кто былъ опецъ мой. . . Какъ бышь ! жалѣшь о шомъ бесполезно—я какъ Шлецеръ, думаю, что весь свѣшь ешь одно великое семейство. . . и что мужикъ съ родни Гансбургскому двору, но, если хошите непременно, чтобы я указалъ вамъ своихъ предковъ—я скажу : мой прародитель Адамъ, а вы, любезный или почтенный чинашель, мѣъ близкій родственникъ; довольно ли съ васъ ?

Когда моя мыслишельная сила была еще *безсиліе*, и я дѣйствовалъ шолько однимъ осязаніемъ—шогда, разумѣшся, я ничего не понималъ. Что мелькало передъ глазами—на какіе звуки ошкликалась моя машина—не помню. . . разумѣшся ! Но вотъ что залегло въ мою память : маленькій домикъ (на Шабаловкѣ), дворикъ, садикъ, женщина повязаная розовымъ плашкомъ. . . . мужчина въ свѣшпо-зеленомъ мундирѣ. . . . и еще. . . но какъ будшо во свѣ, помню, человека въ красномъ плащѣ. . . книги подъ шоломъ, гдѣ я ползалъ. . . акаціи передъ окнами. Женщина съ розовымъ плашкомъ кормила меня—я ее очень помню. —Ешощъ первый ошпешашокъ на памяти моей случился вѣрошшо на 5 году ошъ моего рождевія.

Я ошкликался на слово : Клеми ! но слова : папа, мама, шяшя, шѣшя никогда не касались моего слуха. Вѣрошшо, еши люди, кошорыхъ схватила на первыхъ порахъ моя память, — были

шакже чужіе для меня—и принимали участіе по денежнымъ убѣжденіямъ.

Помню, будучи уже лѣтъ 4, 5, что мужчина въ свѣтло-зеленомъ мундирѣ, кошорого звали бариномъ, и Якимомъ иванычемъ, обыкновенно очень рано уходилъ со двора, возвращался къ обѣду, пошомъ садился къ окну, передъ сполникомъ и писалъ. У него была жена—сердишная, бравчиная,—она часно сѣкла меня... Богъ знаетъ за какія вины, шолько вѣрно понапрасну: я не помню, за *что* меня наказывали. У насъ обыкновенно бьютъ и сѣкутъ ребенка, если онъ не спишь, когда его уложашъ въ постель; если уронишь стаканъ, разольешь молоко, или не смѣнешъ когда ему приказывающъ смѣяться... забавно! какъ будшо ребенокъ понимаешъ, что стекло ломко, что онъ *долженъ спать*, когда ему не хочѣтся спать. . Взрослые люди всегда по-ропящся приравливашъ свои дѣтскія понятія къ машинкѣ двигающагося живошнаго, кошорую мы называемъ, младенцемъ, и ребенкомъ. . За шо еши взрослые люди, еще болѣе сердящся на шого же ребенка, сдѣлавшагося уже человекомъ, если онъ опередилъ ихъ своими понятіями о вещахъ, о всемъ видимомъ, и посшигаемомъ разумомъ.

Не помню первыхъ уроковъ — но какъ будшо вчера случившееся, память моя сохранила, какъ я сидѣлъ у ногъ сердишой жены Якима иваныча, и пшнулъ въ слѣдъ за нею: азъ нашъ глаголь ешь ге, анге, люди ерь—Ангель—буки люди азъ ла, бла; глаголь онъ го, благо; добро азъ

да, благода, швердо ерь-шь, благодашь, и пр. . . Какъ она меня колошила по головѣ, какъ она брыкала меня ногами, какъ сѣкла, и сшавила на колѣни съ азбукой намокшей ошь слезь моихъ. Помню и часшыя споры ея съ мужемъ за меня. Онъ говорилъ, что не хорошо бишь ребенка, особливо по головѣ; а она швердила, что и безпояшный мальчишка, и не хочу учишься изъ одного упрямышва. Богъ ей судья! Испиво не знаю, чего она ошь меня хошѣла, зашавляя корпѣшь половиину дня падь изорванною книжонкою, и указывая на уродливыя каракульки, ошь кошорыхъ у меня песпрѣло въ глазахъ, распѣвашъ съ нею: азъ нашъ глаголь ешь ге, анге, люди ерь, Ангель? . Чшо ей казалось шакъ легко, и поняшно, и ясно—для меня было непосшижимою загадкою. Поняшя мои спали глубокимъ сномъ, и засыпали все крѣиче и крѣиче ошь розогъ, крику, шолчковъ и брани.

Однажды, въ лѣшнее ушро, кажешся въ Июнѣ, моя сердичая нашивница нарядила меня въ новинькое бѣлое канифасное плашье, дала въ руки красный сафьянный карпузь, шпросшочку съ шелковымъ шнуркомъ, съ золошыми кисшями, и сказала, что ученье мое кончилось. . Чшо я пойду гулянь съ Якимомъ иванычемъ. Не умѣю выразишь шогдашнихъ ошущеній моихъ. Ешо была *первал радость* въ жизни, первое ошущеніе удовольствія въ свѣжемъ, юномъ существѣ. О! какъ я помню ешо ушро! Пробужденная душа моя, почувя свободу, какъ шшичька

вылетѣвшая изъ клѣшки, весело смотрѣлась во всѣ предметы; ловила и угадывала все, что предсказывалось взорамъ.

Мы прошли множество улицъ. Все дивило меня, все щекотало любопытство, все разпаляло несстерпимую, но оградную жажду познавать. Наконецъ мы остановились у одного высокаго каменнаго дома; „здѣсь училище, Клементій! — „здѣсь тебѣ весело будешь; шушь множество „пакихъ же, какъ ты, мальчиковъ! Учись при- „лжно—и тебѣ будешь хорошо, и всѣ полюбятъ „тебя!“ Вошь слова, сказанна мнѣ Якимомъ иванычемъ, когда мы всходили на высокую, крушую лѣшницу—это была гимназія. Якимъ ив. привелъ меня къ начальнику, сказалъ: вошь онъ! Тотъ отвѣчалъ: очень хорошо!.. Як. ив. поклонился и ушелъ, а я остался передъ начальникомъ.

Я былъ въ совершенномъ разбѣяніи: глаза не успѣвали обсматривать всѣ новые предметы, копорые имъ предсказались въ кабинетѣ ученаго мужа... Я забылъ свою Шаоловку, азбуку, розги, буки азъ ба... Но начальникъ прервалъ мое раздумье—звономъ въ колокольчикъ. Явился спорожъ,—шарикъ, въ сѣромъ серпукѣ съ медалями, и съ почтительностію уславился противъ начальника. „Проводи ешаго мальчика въ нижній классъ, сказалъ онъ, указывая на меня—и пригошовъ для него кровать въ маленькой комнатѣ..—Слушаю, ваше высокоблагородіе! сказалъ спорожъ—и схватилъ меня за руку, повелъ, куда ему было

приказано. Я послѣдоваль за нимъ съ покорно-
стію ягненка.

Но довольно! довольно о дняхъ моего без-
цвѣтнаго младенчества... Зачѣмъ поминишь па-
мять свою ешими воспоминаніями, а вась чина-
тели, скучною повѣстію, занимательною шолько
для одного меня... Но, вы мои родные—и я вамъ
разсказываю все, шакъ какъ разсказаль бы винов-
никамъ моего бытія. . Я ихъ не знаю—не зналь..
никогда не узнаю—и умру, никѣмъ не оплака-
ный—поговоримше же покуда, мои родные!

Я пробывль 8 лѣтъ въ гимназіи. Учился—спа-
рался—догадывался. Во все ешо время—ни разу
я не видалъ ни Яким. ив., ни жены его: я не
грустиль о нихъ и не раздумывался—они въ-
рояшно еше менѣ заботились обо мнѣ. На-
чальникъ гимназіи, надзирашель и учитель
шакже, непривлекали меня къ себѣ—и я очень
равнодушно выслушалъ объявленіе, что послѣ
нашупающихъ экзаменовъ *меня выпуститъ*...
Еслибъ кто нибудь, шогда, спросиль меня: ку-
да?.. Я удивилься бы ешому прошлему вопросу.
Не имѣя поваяшя о родительскихъ ласкахъ и
связяхъ родства, я выросъ круглымъ сиротою; но
положеніе мое въ свѣтѣ не предшавлялось мнѣ
ни жалкимъ, ни зашруднительнымъ. Я смодрѣль
на жизнь и свѣтѣ безъ шпраха, безъ ожиданія
дурнаго, или хорошаго, Осшавленный съ младен-
чества на собственную волю, мнѣ должно было
искашь въ самомъ себѣ силы и совѣща, а
пошому я рано узналь великую истину, что че-

ловѣкъ рожденъ для трудовъ, и что полько посредствомъ трудовъ, можно сдѣлаться независимымъ отъ людей и ихъ прихотей. Трудисься, чтобы бышь независимымъ, не спрашивъ времени на желанія и ожиданія—вошь мои правила и теперь. Можешь бышь, я думалъ бы иначе, еслибъ судьба повѣжнѣ ввела меня въ мѣръ божей. . . Можешь бышь я, по слѣдамъ другихъ спалъ бы добиваешься бригадирства, пенсий, кресшиковъ. . . Но природа машъ, дала мнѣ спокойный характеръ,—и вошь, ошь чего неощущаю *благороднаго стремленія* къ чинамъ и почестямъ! Мнѣ все равно!—Я ни мало не забочусь о томъ, что надъ могилою моею не будешь означенъ годъ моего рожденія, чинъ, имя, ошечество, фамилия, ордена, . . . Ешо карришурное ушѣшеніе никогда не дурачило моего разсудка, и забавникамъ, гуляющимъ по кладбищамъ, не удася прочесть мой формулярный списокъ, — очень нужный для попомшва!

Мнѣ уже за 40 лѣшь; но, благодаря моимъ попяшѣмъ, я ни одного раза еще не испыталъ припадковъ чесполобїа. Чувствую, что нынѣшній годъ будешь послѣднимъ годомъ моей жизни,—и не жалю, ни о жизни, ни о чемъ, что ошашенся въ ешомъ свѣшѣ! Дни мои прошли и проходяшь однообразно и тихо. Я спокоенъ, но иногда приходишь мнѣ на мысль спраанный вопросъ: для чего я былъ созданъ? за чѣмъ живу на ешомъ свѣшѣ? — споило ли труда родишься, чтобы жишь шакъ, какъ я живу? Ду-

маю, думаю, и не зная, какъ распушашь цѣлый клубокъ вопросовъ : для чего ? почему ? на что ? за чѣмъ ? ошъ чего ? говорю въ свое ушѣненіе : я жиль для шого, чшобъ сочинишь новую рускую азбуку ! и ешо рѣшеніе, разсѣкаешъ клубокъ вопросовъ моихъ , какъ мечъ александровъ разсѣкъ гордіевъ узель. У всякаго свой конекъ , у всякаго свои зашѣи , у всякаго барона своя фапшазія. Моя, не баронская фапшазія, не вредишь никому ; я увѣрешъ даже, что она полезна : но объявишь ее должно черезъ 25 лѣтъ послѣ моей смерши.

Продолжаю мою повѣсть о себѣ. Экзамены кончилисъ;—сказали, что я хорошо училсъ, дали мнѣ ашшеспашъ—и я вышелъ изъ училища ! Я вышелъ ! Куда же войши ? Куда ишши ? Рабошашъ ! рабошашъ ! сказала я самъ себѣ (мнѣ было лѣтъ 15 или 16); но какую избрашь работу ? переписывашъ, или опредѣлишь въ книжную лавку въ сидѣльцы , или въ шипографію , въ наборщики, корректоры ? Тушь вспомнилъ я, что, недалеко ошъ домика Якима иваныча была шипографія. Не шеряя времени, я пошелъ шуда.

Вошелъ на ешу улицу, меня разсмѣшило воспоминаніе о розгахъ и азбукъ. Мнѣ захошѣлось взглянушь на домикъ , гдѣ я узналъ жизнь , на дворикъ , по кошорому ползаль. . посмѣяшься надъ собою, съ Якимомъ ив., и его женою. . . и сказала я, неволью предаваясь раздумью : можешъ бышь—шупъ узнаю что нибудъ о род-

ныхъ своихъ. Иду. Вошь шипографія. Гдѣ же домикъ Якимъ иваныча? Тамъ, гдѣ оны сполья нѣкогда—пустырь; мѣсто заросло высокою крапивою; кой-гдѣ изъ-подъ ея жгучихъ листьевъ высовывающся кирпичи, печные изразцы. . . Домъ сгорѣлъ. . . ешо ясно! Смошря на печальныя оспашки моего приюша, я невольнo задумался. . . Миѣ сшало грустно. . . Казалось, что еще курился дымокъ въ кучѣ разбишыхъ кирпичей — и съ ешимъ дымокъ, исчезали навсегда мои веселыя мечшы и упѣшипельныя надежды!. Я вздохнулъ, поклонился печальному пожарищу какъ гробу знакомаго челоѣка, и пошелъ въ шипографію.

„Что шебѣ надобно дружокъ? А?—спросиль меня красноносый спаричокъ въ зашрапезномъ халашѣ. . . А? Что шебѣ надобно? — Хозяина „шипографіи, сударь?—Ну, я хозяйинъ шипографіи, чтожъ шебѣ надобно?—Я иду мѣсна, сударь: не примеше ли вы меня? — Да на какую „пошребу? А?—Я могу бышь наборщикомъ.—А въ „какой шипографіи шы былъ прежде, дружокъ?— „Я, ни въ какой еще не былъ.—Такъ сшало шы „ничего на знаеше, а миѣ шакихъ не надо.—Я сударь, скоро выучусь, могу бышь и коррекпормъ... Да кшо шы? — Вошь извольше посмошрѣшь!“

Онъ принялъ мой апшесшашъ. . . Хорошо! „коррекпорма миѣ нужно, да шы молодъ, дружокъ! . . . — Посшарѣю, сударь,—Гдѣжъ шы живешъ?—Нигдѣ, сударь!

О! какъ мнѣ спало горько! Первый человекъ, которому предложилъ я свои услуги, не милосердо далъ мнѣ почувствовать мое ничтожество — — жестокой, грубой человекъ! Видя, что я бѣднякъ безпріютный, онъ холодно сказалъ мнѣ еще разъ: мнѣ тебя не нужно, дружокъ! спускай съ Богомъ!“ — Онъ зналъ варваръ, что я изъ одного хлѣба рѣшусь служить у него. „Прощайте! сказалъ я, и пошелъ, но онъ ворочилъ меня. „Мнѣ тебя жаль—оспанься у меня— „я принимаю тебя къ себѣ: ты мнѣ понравился, „дружокъ! Спускай же теперь за своими пожитками и перевозись.—За какими пожитками? Кого перевозишь? спросилъ я, смотря на содержашее, „ля пишографіи.— „Ну, свое имѣніе —— Оно все „со мною, сказалъ я.—Какъ? у тебя ничего нѣтъ:— „Все, что я имѣю, со мною!“ сказалъ я, и не спсигалъ, чего еще надобно, когда я одѣшъ?

Я поселился въ пишографіи. Спалъ набирашь, печашашъ, чпашашъ корректуру,—и въ годъ выучился всему пишографскому дѣлу. Работаша шрудная—за то здоровая. Всѣмъ, пошерявшимъ апешншъ, всѣмъ разслабленнымъ олъ удовольствій, я бы совѣшовалъ шолько одинъ мѣсяць поработашашъ въ пишографіи въ должности шердорщика. . Увѣрешъ, что они выздоровѣюшъ совершенно.

Въ ешой пишографіи я пробылъ два года: работашалъ какъ лошадъ, не получая жалованья; довольшшвовался самою поспшною пищею и сверхъ своей должности, ошправлялъ разные

домашнія работы, какъ то: караулить садъ, счищать куръ, ходилъ на рынокъ за провизіей, носилъ на почту письма и посылки и пр. . Однажды я попросилъ жалованья — и мнѣ указали двери, сказавъ: съ Богомъ! — Я поклонился, поблагодарилъ за всё мило-спи, и перешелъ въ другую типографію. Наконецъ, 22 года, посююнно занимаясь при разныхъ типографіяхъ, я кое-какъ накопилъ ошъ остатковъ жалованья, пять тысячъ рублей и— приобрѣлъ обширное знакомство. Всѣ московскіе ученые, пошты, переводчики, библиоманы, книго-продавцы, компиляторы, разносчики книгъ, бумажные фабриканты,—всѣ любили меня, и спарались помогать въ моихъ нуждахъ. Многіе со-вѣщывали мнѣ завѣсти свою типографію—но я предпочелъ квижную торговлю, и сдѣлался продавцемъ произведеній російскихъ писателей и переводчиковъ. Конечно, имѣшь типографію выгодноѣ—но въ 22 года, мнѣ шакъ надоѣлъ скрипъ становъ, глухой звукъ лишеръ, что я, и шеперь обхожу шѣ улицы на кошорыхъ еспь типографіи. Сверхъ того, я очень не доволенъ нашими типографіями: какъ много надобно и времени и шрудовъ, чтошбъ довести ихъ до козможнаго совершенства! Руская азбука, форма лишеръ, шакже, шребуюшь большихъ пре-образований! Всякой разъ, вабирая какую шибудь книгу, я думалъ о улучшеніи лишеръ азбуки: вмѣсно ошдыха, послѣ работы, чершилъ формы буквъ, или задумывался надъ безполковой аз-

букой нашей! Сдѣлавшись книгопродавцемъ, и имѣя много свободнаго времени, я спалъ записывалъ свои мысли, и предположенія о лишеряхъ и азбукѣ—вышло небольшое сочиненіе, кошпое и назначаю издать въ свѣтъ, черезъ 25 лѣтъ послѣ моей смерти. . . .

Кочевая жизнь книгопродавца, вѣдающаго по ярмонкамъ мнѣ очень понравилась. . . Чуждый всѣмъ людямъ, не спешившій въ волѣ своей, я прокочевалъ бы всю жизнь—но въ прошедшемъ году, возвращаясь изъ Ростова, я простудился—закашлялъ—и благодарю Ивана давидовича моего дѣкаря, теперь едва дышу. Въ ушѣшеніе мое, онъ объявилъ мнѣ что у меня извурительная чахотка. И пакъ, въ ожиданіи вѣрнаго сиушника ея, смерти, спокойно смошрю на жизнь свою, безбурную, безцвѣтную—и ушѣщаюсь мыслию, что прожилъ и живу какъ добрый человекъ! Не спрашусь смерти и суда божія! Я былъ шипографцикомъ—но зарабатывалъ свое жалованье шрудями тяжельми, извурительными. Я былъ книгопродавцемъ—но авшоры и переводчики любили меня: я неругался надъ ихъ бѣдностію, не скупалъ за безцѣнокъ ихъ сочиненій, не бралъ по 20 и 25 проц. за комиссію какъ мои шоварищи, а довольствовался 5-ю проценшами!

Я былъ знакомъ со всѣми шипографциками но ни съ однимъ не имѣлъ тайныхъ сношеній: не покупалъ ошъ нихъ за пятую часнь цѣны сочиненій, ошпечатаанныхъ тайно ошъ хозяина книги—и называемыхъ дефекшами!

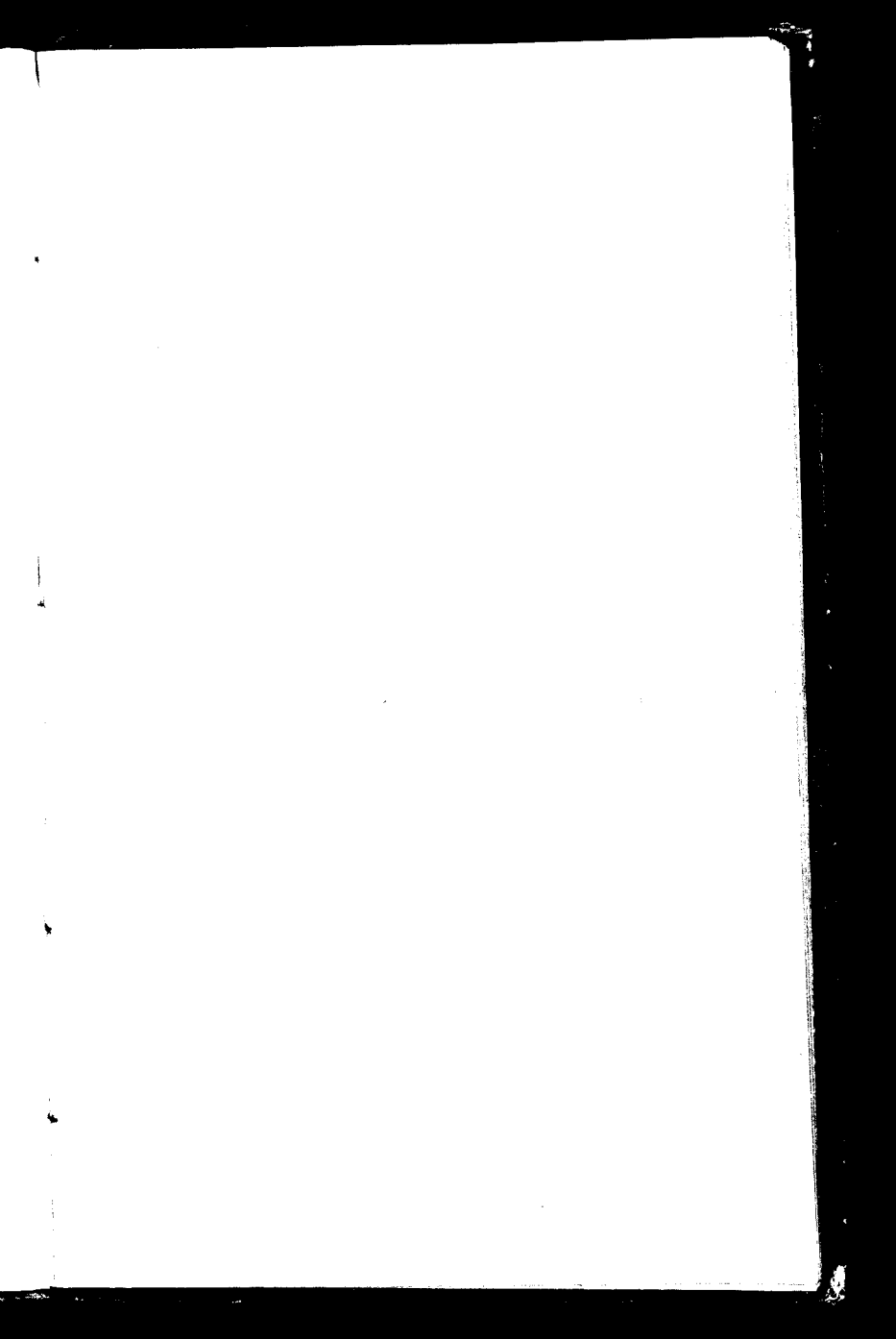
Я переходилъ изъ шипографіи въ шипографію пошому, что немогъ равнодушно видѣть плушней факторовъ, припечашывающихъ въ свою пользу по 500 и 600 экземпляровъ чужаго сочиненія. . . .

Я не перепечашывалъ спаринныхъ книгъ, и не поддѣлывалъ спаринныхъ буквъ.

Желаю, чтобы всѣ шипографцики и квиго-продавцы думали, и поступали такъ какъ я: тогда книжная шорговля наша распространится пошому что будетъ основана на взаимномъ до-вѣрїи, на честности. Еще надобно прибавить,

Что хотѣлъ прибавить Клементїи акимовичъ остается неразрѣшимою загадкою, потому что, напасавъ : еще надобно прибавить, онъ опрокинулся на спинку стула. . . перо вышло изъ рукъ его, и смерть убила его изъ числа живыхъ.

Прилагаемый портретъ писанъ на кости ,
извѣстнымъ художникомъ при московскомъ уни-
верситетѣ Николаемъ сергѣевичемъ Гребенки-
нымъ, въ 1802-мъ году.

К.Я. ХАЧАТУРОВЪ

УСОВЕРШЕНСТВОВАНАЯ
РУСКАЯ АЗБУКА

ИЛИ

СРЕДСТВА ОБЛЕГЧИТЬ ИЗУЧЕНИЕ ОНОЙ
И СПОСОБЪ СОКРАТИТЬ ЧИСЛО РУСКИХЪ
БУКВЪ, ПОЯСНЕННЫЕ ПРИМЪРАМИ.

СОЧИНЕНІЕ

К. А. ХАБАРОВА

ОТСТАВНАГО КОРРЕКТОРА.

БУТЫРКИ.

1800 года Января 5 дня.

Exegi monumentum aere perennius
Regalique situ pyramidum altius. .

H O R A T.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я провелъ 22 года у ешанковъ шипографскихъ, передъ кассами лишерными, и чистая корректуру. Еслибъ разсудокъ мой не работалъ въ то самое время, когда я прикладывалъ лишеру къ лишерѣ, свершивая полосы, и сравнивая напечатанное съ оригиналомъ, я сказалъ бы, что еши 22 года,—я просналъ, и видѣлъ, одинъ сонъ, однообразный и ушомишельный. Машинальная работа шипографская не совсемъ придавила мой разсудокъ. Правда, сначала, я набиралъ лишеры какъ и всѣ прочіе на-

борщики, — работала одними глазами и ручною памятью; безъ малѣйшаго вниманія къ тому что набираю, не думая о возможности сдѣлать еще работу просше.

Мысль о возможности улучшения русской азбуки, предсшавилась мнѣ, когда я спала набираю съ одной рукописи, въ кошорой авторъ исключилъ *Ъ*, и *И*. То была рукопись профессора Барсова *.

Я спала изыскивала средства усовершенствовать нашу азбуку, — и вопль слѣдствія моихъ думъ, и соображеній.

* См. Москов. журналъ 1792 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О ТЕПЕРЕШНЕЙ РУСКОЙ АЗБУКѢ, И СПОСОБѢ УЛУЧШИТЬ ОНУЮ.

§ 1. Въ русской азбуцѣ теперѣ счисляется 35 буквъ:

а, б, в, г, д, е, ж, з, и, і, к, л, м, н, о, п, р, с, ш, у, ф, х, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ъ, ѣ, э, ю, я. ѳ, ѵ.

§ 2. Сколько же бесполезныхъ буквъ! а недоспаешъ нужныхъ, слышимыхъ въ разговорахъ.

Безполезныя: і, щ, ъ, ъ, ѣ, э, ѳ, ѵ.

Нужныя: ю, ѣ.

§ 3. По моему мнѣнію для рускаго языка нужны только 27 буквъ.

а, б, в, г, д, е, ж, з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, ш, у, ф, х, ц, ч, ш, ы, ю, я.

Есихъ 27 буквъ доспаешочно, чшобъ выразить посредствомъ ихъ всякое руское слово.

§ 4. Я сказалъ что у насъ недоспаше двухъ буквѣ: ю, и й. Въ моей азбукѣ онѣ не пужны: е, съ двумя почками на верху замѣнишѣ ю, а знакъ ~ надъ а, е, и, о, у, ы, ю, я, замѣнишѣ й. На примѣрѣ, вмѣсто того, что обѣ пишашѣ: подай—поняшно если напишешѣ подѣ; — вмѣсто: поскорѣй, поскорѣ — вмѣсто: свой, свѣ—вмѣсто: пожалуй, пожалу—вмѣсто: крошкѣй, крошкѣй — вмѣсто: воюй, вою—вмѣсто: валий, валий.—

§ 5. Такимъ образомъ, вся азбука руская можешѣ соспашѣ изъ 27 буквѣ, 19 согласныхъ и 8 гласныхъ.

Я говорю: 8 гласныхъ, вошѣ почему:

У насъ принята жесткокая, затруднительная для ребенка метода означашѣ *буквы, цѣлыми складами.* Но буква ешѣ знакъ — знакъ долженъ бышѣ крашокѣ, и пошчасѣ поняшенъ *. Чшо можешѣ бышѣ оскор-

* Буква ешѣ изображеніе *натальнаго звука,* служащаго къ соспашленію слова, говоришѣ Гречь.

бисельнѣе для человѣческаго понятія какъ наши: азъ, буки, веди, глаголь, добро, еспь? Бѣднѣй ребенокъ! Чѣшбѣ сложишь слово ангелъ, зашавляющѣ его произносишь: азъ, нашъ, глаголь, еспь—анге, люди—еръ—ангелъ! Ужасно! надобно ангельское шерпѣнѣе для учипеля, и ангельскую понятливоспъ ученику, чѣшбѣ ладить съ ешою азбукою. **

§ 6. Зощѣ простой, и понятнѣй способѣ означать буквы.

А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, К, Л,

а ба ва га да е жа за и ка ла

М, Н, О, П, Р, С, Т, У, Ф, Х,

ма на о па ра са ша у фа ха

Ц, Ч, Ш, Ы, Ю, Я. ***

ца ча ша ы ю я.

** Писано въ 1800 году.

*** И Французы учашъ шецерь уже не ефъ (F), а фе; не ель (L) а ле,—не емъ (M) а ме; не енъ (N) а не и ш. д. что гораздо ближе къ звуку буквы, и понятнѣе ребенка.

Прилѣжаніа Евгеніа Третьякаго 1828 года.

§ 7. Если произносишь буквы ша-
кимъ образомъ выдешъ что у насъ
8 буквъ гласныхъ: а, е, и, о, у, ы, ю,
я, а остальные 19 согласныя.

Епошъ просшой способъ означашъ
буквы, безъ всякаго сомнѣнiя цѣлыми
мѣсяцами ускоришь обученiе ребенка.

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я .

О БЕЗПОЛЕЗНЫХЪ БУКВАХЪ ВЪ РУСКОЙ АЗБУКЪ.

§ 8. Безполезныхъ буквъ въ русской
азбукѣ считаю 8: именно і, щ, ъ, ѣ,
ѣ, ъ, е, ѣ.

§ 9. Посшараюсь доказать епо.

I. Въ произношенiи вы не различа-
ете і отъ и,—Іоаннѣ, Иоаннѣ—Іона,
Іона — Іерусалимѣ, Іерусалимѣ —
звукъ шотъ же! Но і употребляешся
у насъ при окончанiи именъ прилага-

пельныхъ: великій, одинакій, кривобокій. . . . Какъ вы ихъ напишете безъ і? Я замѣню ее знакомъ ъ надъ и,—и буду писать великій, одинокій, кривобокій.

Но какъ различимъ на примѣрѣ міръ, опъ мира?—По смыслу! Развѣ мы неразличаемъ множества словъ которые пишутся одинаково на пр. градъ—ключъ—ломъ—икра—змѣй—покой,—бубны и ш. п.

§ 10. III. Произнося ешу букву мы слышимъ что она состоитъ изъ С, и Ч, или изъ Ш, и Ч. Многие уже начали писать: счастье, счешъ, считалъ * вмѣсто щастіе, щешъ, щиталъ. Да и всѣхъ словъ у насъ не найдется семидесяти начинающихся съ щ—и если ешу букву исключимъ изъ нашей азбуки мы ничего не потеряемъ, ибо можемъ замѣнить ее С и Ч или Ш Ч. Дайте

* Теперь всѣ шавъ пишутъ.

Прим. Евгенія Третьякова 1828.

мнѣ любое слово гдѣ слышно щ, или
 копорое начинается св щ, и я вамъ
 напишу посредствомъ с и ч, или ш
 св ч.—*Еше; шелкать—сметина—
 столокъ—ступѣ*—не по ли же самое
 чпо: еше, шелкать, щепина, щелокъ,
 щупѣ? . . . Но обыкновеніе,—но глаза
 наши, копорые присмотрѣлись ко
 всѣмъ ешимъ буквамъ! Милоспивые
 государи! . . . Господь Богъ даровалъ
 намъ разсудокъ—а не одни глаза!

§ 11 *Ъ*. Вошъ буква, копорая зашла
 въ рускую азбуку Богъ знаешъ для чего!
 —«Какъ? она необходима, еша буква
Ъ говорятъ нѣкошорые спаровѣры.
 Какъ написать безъ *Ъ*, объявленіе,
 обьясненіе, извясненіе, извьявленіе?—
 Вошъ какъ милоспивые государи!
 Об,явленіе,—об,ясненіе—из,ясненіе
 —из,явленіе! — Вамъ ешо не нра-
 вился? Можно иначе: об-явленіе—
 из-ясненіе — об-ясненіе, — и ешо не
 хорошо? — Такъ вошъ еше средство
 об'явленіе, — из'ясненіе — из'являе-

ніе — ... Хоть изъ экономических видовъ согласишесь милоспивые государи!.. Сочпшите на досугѣ, сколько сбережешся времени, бумаги, свинцу, чернилъ, безъ ешаго бесполезнаго Ъ. . А что онъ, въ окончаніи словъ совершенно бесполезенъ, о томъ никино не споритъ. За чѣмъ же держать пуцеядца?

§ 12. Ъ. Ешо не буква, ибо означаеъ только звукъ слышимый нами онъ слянія разныхъ буквъ — ... За чѣмъ же даваъ ему право гражданства въ русской азбукѣ? Не прикажете ли его замѣнить знакомъ ^ и писанъ вмѣсто: пѣнь, пѣнь, сѣнь, ѣхашъ, скакашъ, играшъ, вошъ шакимъ образомъ: пей, пей, сей, лей, схаѣт, скакаѣт, играѣт?

§ 13. Ъ. Вошъ еще буква—бесполезная; но копорая, какъ пронырливый лицемѣръ, или хлопопливый бездѣльникъ, сдѣлалась, не только пужною,

но необходимою, полезною, — она одна можетъ дать вамъ патентъ на званіе грамашнаго и ученаго человека — только узнайте напередъ гдѣ ее употреблять.... а ешаго-шо... никто не знаетъ! Ъ, совершенный лицензѣръ... Одни говорятъ, пишете Ъ, во всѣхъ шѣхъ словахъ въ кононрахъ Малороссіане произносятъ И! Покорнѣйше благодаримъ! слѣдов. чпобъ писать по руски надобно ѣхать въ Малороссію, или имѣть у себя ручнаго Малороссіанина, для справокъ?.. Другіе, Богъ знаетъ съ чего рѣшишельно вопіюшъ: пишете Ъ въ словахъ: гнѣздо, пріобрѣлъ, блѣдный, мѣлъ, свѣтъ, рѣка, мѣсяцъ... Но почему? за чѣмъ? Развѣ меня непоймушъ если я напишу: приобрелъ, бледный, мелъ, светъ, река, месяцъ? Развѣ смыслъ слова измѣнился отъ моей анципатіи къ езуитской буквѣ Ъ? Никакія усилія учености не могутъ доказать, что для насъ, имѣю-

щихъ уже букву *Е*, нужно еще *Ь*?..... Одно изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ есть: шакъ писали—шакъ пишушъ всѣ грамашины — но будшо ешо доказательство? Яговорю: *сегодня, я поѣду въ театрѣ..* и изображаю буквами еши слова, и они понятны всякому если я напишу: *сегодня, я поѣду въ шеатрѣ*—равно понятно было бы, еслибъ я написалъ и шакъ: *сѣгодня, я поѣду въ шѣатрѣ!* Скажу: *веденіе*—напишу *веденіе*, или *вѣдѣніе*—все равно! Къ чему зашрудняшь доступъ къ благодѣтельному источнику извѣсянять свои мысли посредствомъ знаковъ? Чѣмъ ихъ меньше—шѣмъ лучше—чѣмъ они проще—шѣмъ скорѣе они зашверживаются!

При шомъ, мы узнаёмъ языкъ прежде грамашиныки—грамашика сосшавилась шогда, какъ образовался языкъ.. Зная языкъ, мнѣ не нужно опличительныхъ знаковъ, которые бы не-

смѣшали въ моемъ поняшии различныхъ словъ пишущихся одинаково. Я пойму и всякій поймешь что *хочу есть* значить: я хочу кушать! какъ бы я ни написалъ ешо. — Ломъ въ костяхъ,—и ломъ желѣзный — миръ съ Персіянами, и миръ Божій...ключь отъ дверей, и ключь воды...Нужно ли пущь для рускаго: І чшобъ опличить міръ Божій отъ мира съ Персіянами—и Ъ, чшобъ поняшию для другихъ сказаць: я хочу ѣсть!

«Но, спало бышь, скажушь нѣкоторые изъ нашихъ грамашеевъ, ешотъ Хабаровъ, хочеть совсемъ уничтожитьъ правила правописанія? Какъ? исключать изъ нашей азбуки: І, Ц, Ъ, Ь, и особенно нашу любезную Ъ, выѣску нашей учености, букву, которую мы едва узнали примѣчая за нею 20, 25 лѣтъ? — Нѣтъ милоспивые государи! высокоученые господа! Хабаровъ думаетъ, что и безъ Ъ, ос-

панешся много пруда, желающимъ правильно писашь по руски; ваша ученость всегда будетъ нужна! Мы говоримъ, или произносимъ слова, совсемъ не такъ какъ пребуешъ по-го правописание; говоримъ: Бохъ, жизнь, харашо, чудесно, прашу, хочешца, . . . а пишемъ по законамъ грамашики (ибо грам. учимъ правильно писашь а не говоришь): Богъ, жизнь, хорошо, чудесно, прошу, хочешся! . . . — Чшо именно такъ должны писашься епи слова—ешъ доказательства, и никпо съ вами о помъ неспоришь—но за чѣмъ причисляшь къ правописанію, употребленіе буквъ І, и Ъ, когда у насъ ешь, И и Е, которыми можемъ извяснить все безъ помощи І и Ъ? Но Французы, но Англичане? — ихъ писаніе гораздо мудренѣе выговора: Французы имѣють е, а пишушь аі чшо равно Е—у Англичанъ поже ешь І, а они часто замѣняють его двумя е (ЕЕ). . .

Милоспивые государи!.. за чѣмъ сравненія?.. они не доказашельсва! И Французы, и Англичане, не выйгрываютьъ отъ того, что ихъ орфографія затруднительна, збивчива, безтолкова. Тѣмъ лучше для насъ русскихъ, если наша азбука, и способъ правильно выражать буквами свои мысли—простъ, понятенъ, и ясенъ! Ешо не порокъ—а достоинство, которымъ смѣло можемъ гордиться передъ ученою Европою!

§ 14. Э. Въ рускомъ языкѣ нѣтъ словъ для Э, а иностранные слова выучиваются не по рускимъ азбукамъ — *Ей! етотъ, ехъ, екой.* . вотъ всѣ рускіе слова которые угодно нашимъ грамашямъ писать посредствомъ Э!. Но за чѣмъ Э? Говоря по руски, я знаю какъ говоришь *ей, етотъ, ехъ!* безъ Э! — А какъ ошлчишь поэта, отъ поетъ? я хочу сказать: поэтъ поетъ—ешо понятно; а если оба слова будутъ написаны

сб, Е какъ ихъ различить? Вопръ какъ:
поешб, поёшб.

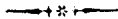
§ 15. *Θ*. Рускіе произносяшб *Θ* какъ
Ф.—*Θ*едорб—*Ф*едорб, *Θ*ивы—*Ф*ивы
*Θ*едошб—*Ф*едошб.—Но грамматиче-
ская полиція вопиешб: «*Ф* пишешся
«шолько вбрускихъ словахъ—авино-
«спранныхъ, *Ф* пишешся шамб, гдѣ у
«Французовъ или Римлянъ *f*, и *ph*!—
(Прекрасное — удовольстворительное
правило!)—*Θ*, упопреляепся шолько
«вб словахъ приняныхъ нами отб
«иноспранцевъ и замѣняешб *th*!....
«*Ergo*—приказываемб пишашъ: фере-
«зи, фиша,—французъ, физика фун-
«даментб, фыркашъ—*Θ*еамрб, *Θ*ео-
«дорб, *Θ*ивы, *Θ*едошб!.... Но если
мы осмѣлимся написашъ *Ф*едорб, *Ф*е-
«дошб, *Ф*ивы? Какое зло произойдетб
отб шого?.. И будшо мы обязаны пи-
сашъ *Θ*, для шого чшоббозначить ею,
слова пришедшія кб намб изб Греціи?
Чему же намб учитьея прежде: рус-
кой грамошб, или греческому, латин-

скому, французскому и шапарскому
языкамъ?... Довольно что нашъ Ф, вы-
говаривается нами точно такъ какъ
Θ...и намъ не надобно ее! Будемъ пи-
сать Федоръ, Фивы, Фезей, Феапръ...
и насъ поймутъ рускіе чипашели!

§ 16. *У*. Благодаря здравому раз-
судку *У* изпроблена—ее не употреб-
ляютъ—но она все еще шорчитъ въ
русской азбукѣ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Примѣры рускаго правописанія, въ
которыхъ нѣтъ і, щ, ѵ, ъ, ѣ, ѓ, ѓ, ѓ.

§ 17. Вошѣ нѣскольکو примѣровѣ,
которыя яснѣ покажутъ мои мысли.

Всѣ примѣры выписаны изъ Московскаго
журнала 1792 года, издавнаго Г. Карам-
зинымъ.

1.

Видение мурзы.

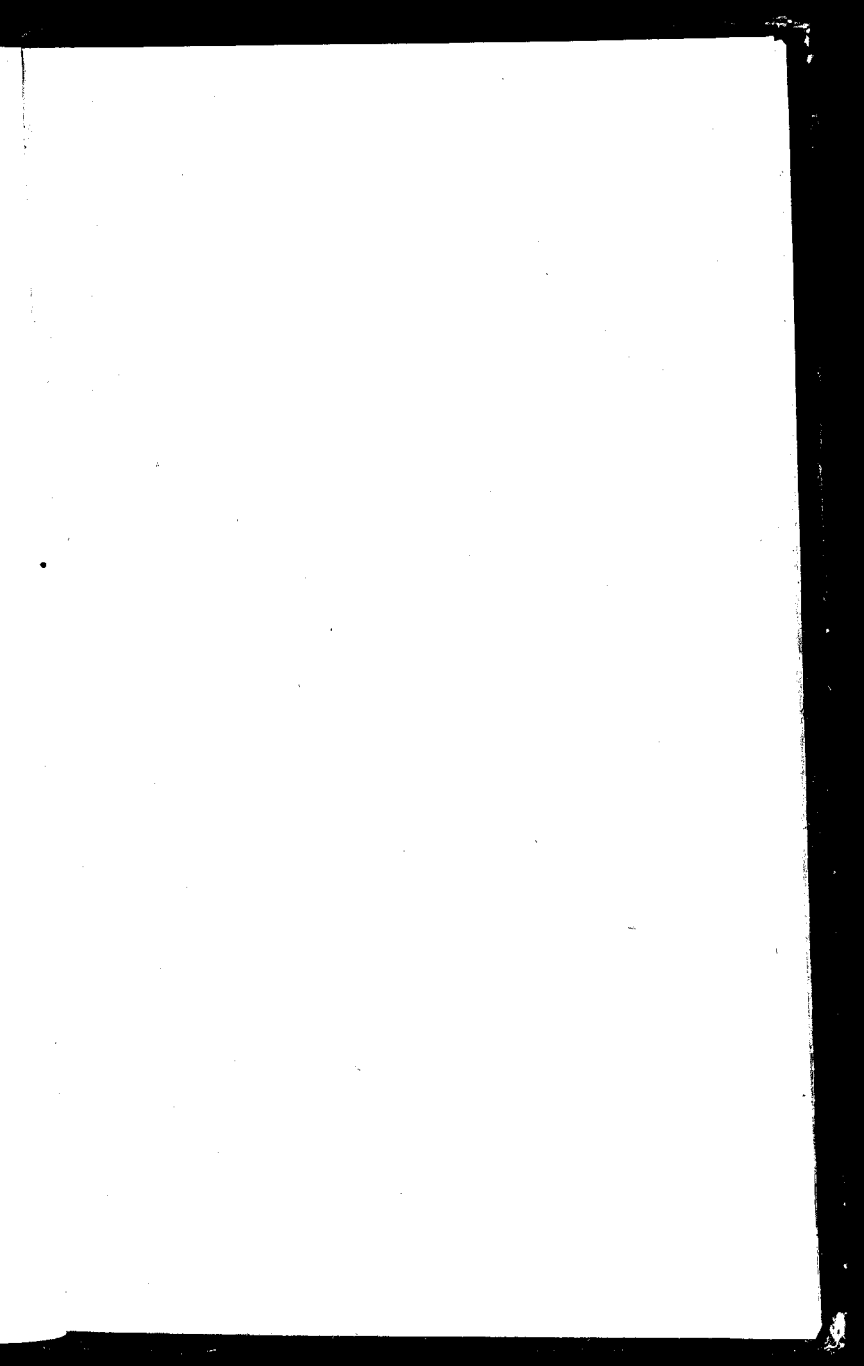
На шемноголубом ефире
Злапая плавала луна;
В серебрянѣ своё порфире
Блиспаючи, с' выш она,
Сквозъ окна дом мѣ освесчала,
И палевым своим лучем
Злапья спекла рисовала
На лаковом полу моем.

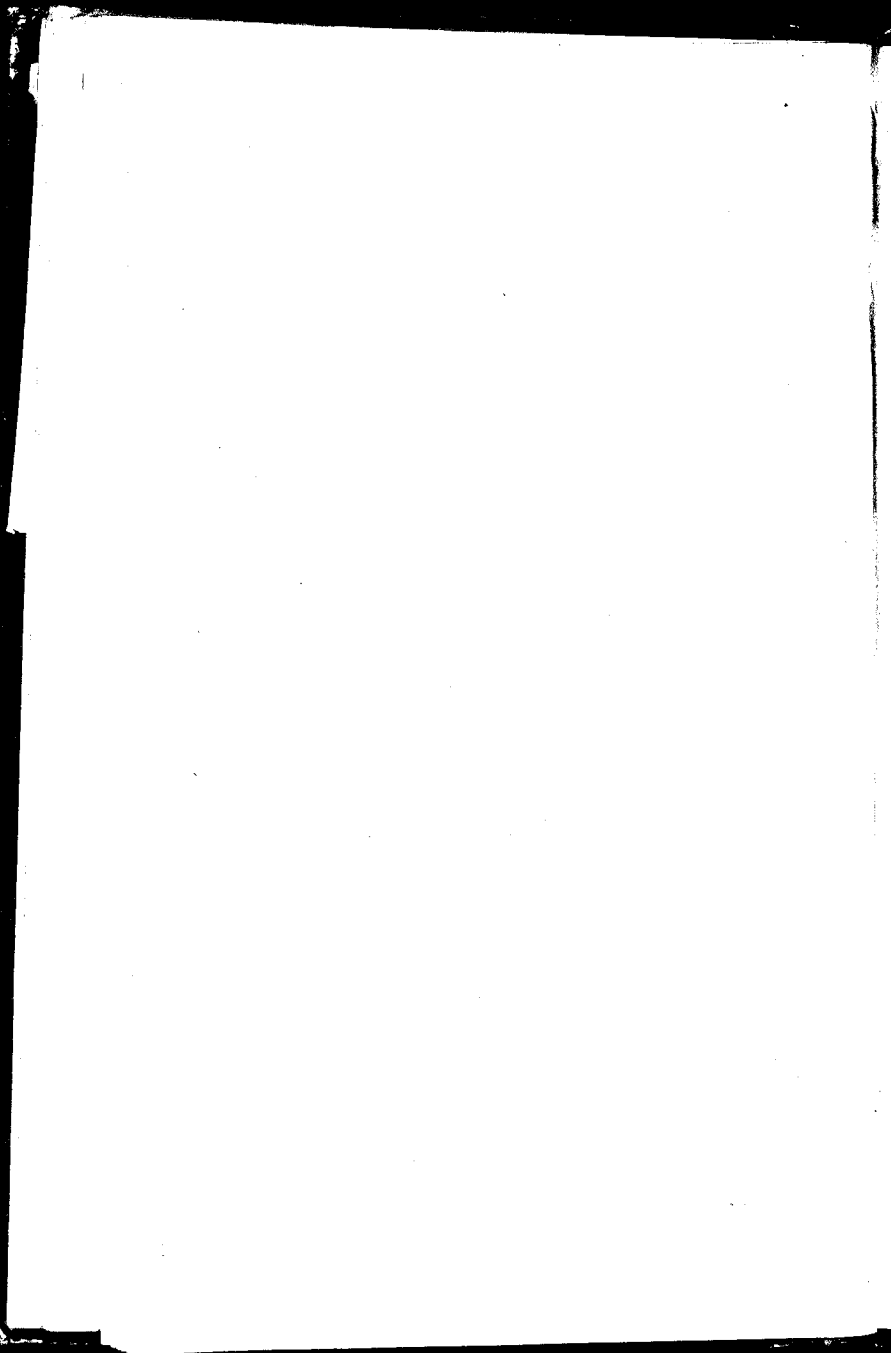

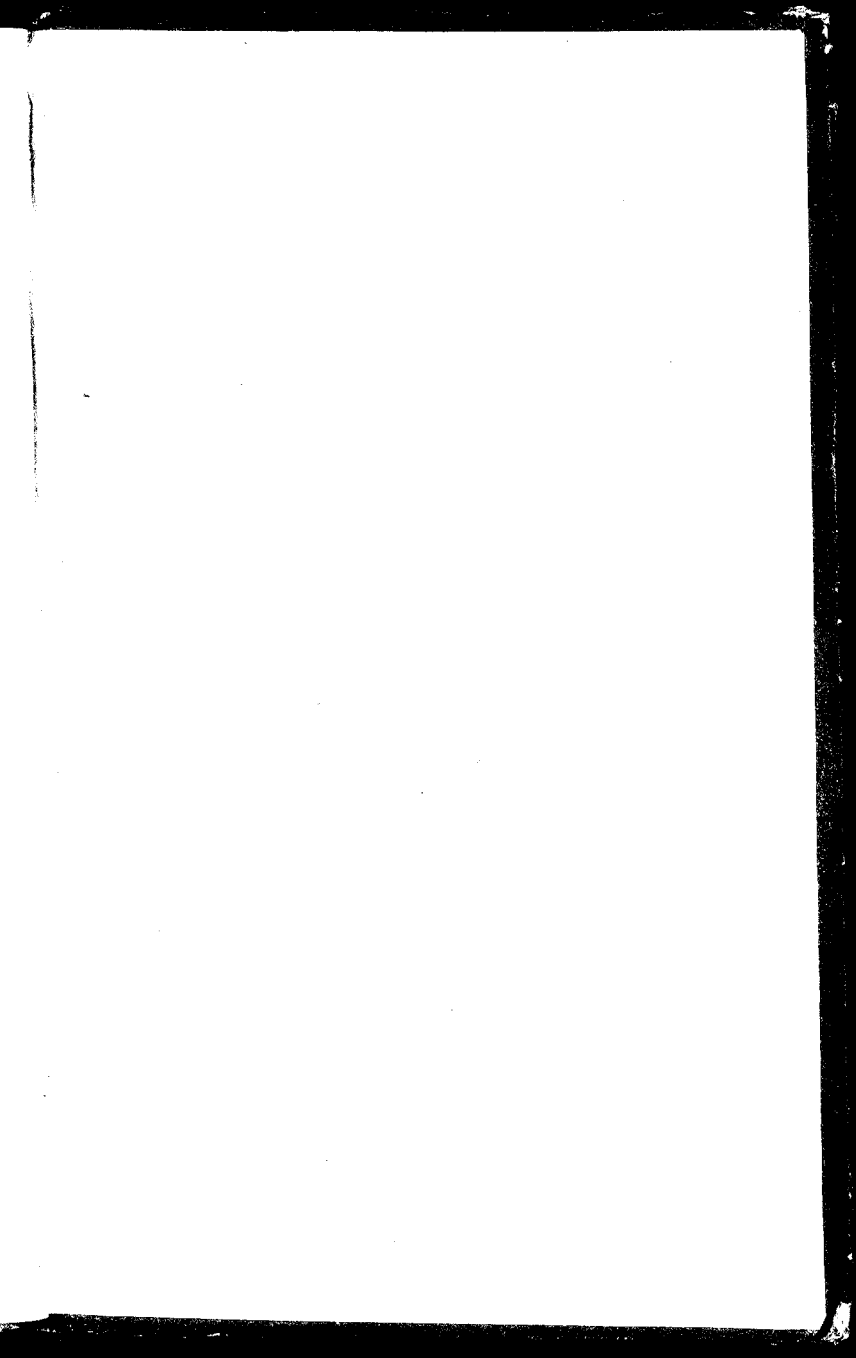
Действосѣ есѣ наше определение. Человек не можеш быѣи никогда совершенно доволен обладаемым, и спремисѣ всегда к' приобретениям. Смерѣи заспашеи нас на нуши к' чему нибудѣ, чшо мы есче имѣѣи хопим. Дѣа человеку все, чего он желает: но он в' шу же минушу почувспвуеш, чшо ешо все, не есѣ все.

Глаз по своему образованию не можеш смотрѣи на себя без зеркала. Мы видим себя шолко в' других предметах. Чувспво бышнѣа, личносѣа, душа, все сие сусцествует шолко пошому, чшо вне нас сусцествует—по феноменам или явлениям кошорѣа (кажешся) до нас касающѣа.

К О Н Е Ц Ъ.

LIBRARY OF CONGRESS

0 013 074 459 A ●